

ГЛАВА III РАННИЙ ИДЕАЛ ВСЕОБЩЕГО СОГЛАСИЯ (нэп)

НОВЫЙ ПОИСК АЛЬТЕРНАТИВЫ

Господство раннего умеренного авторитаризма постепенно стало вызывать массовое дискомфортное состояние. «В последний год гражданской войны обособление деревни от города достигло крайних пределов. На участников продотрядов крестьянин стал смотреть как на врагов, стремящихся воспользоваться результатами чужого труда. Множились вооруженные выступления против членов продотрядов. В некоторых местах деревня превратилась в военный лагерь, занявший круговую оборону против любых попыток проникновения в нее извне»¹. Крестьянские восстания, выдвигавшие в качестве основного требования отмену продразверстки, в 1920 году имели место на значительных территориях Западной Сибири, Украины, юга земледельческого Центра. Кронштадтское восстание со всей очевидностью показало разрушение второй версии псевдосинкретизма. Господство авторитарного нравственного идеала, как, впрочем, и других идеалов на соответствующих этапах, не опиралось на достаточно разработанную меру своих возможностей, на минимально необходимое богатство срединной культуры. Неспособность не только правящей элиты, но и всего общества овладеть сложностью ситуации привела на втором этапе к подавлению воспроизводственных процессов. Новая власть столкнулась с неспособностью ее идеологических программ служить основой для самого необходимого воспроизводства ресурсов. В этой ситуации общество неизбежно повер-

¹ *Бокарев Ю. П.* Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы. М., 1989. С. 148.

нулось лицом к тем ценностям, которые отрицались стихийной уравнильностью, перешедшей всякие разумные пределы.

Среди альтернатив существовала своеобразная «американская мечта», мечта об обществе, где люди умели бы хорошо, производительно работать. В печати появились выступления о необходимости развивать в массах американскую деловитость. «Прежде всего искать и находить себе новых людей — русских американцев. Помогать партии советом, ставить их на надлежащее место и следить, чтобы рязанско-пошехонско-чебоксарское губошлепство не затерло их на первых шагах. Только на первых шагах, ибо в дальнейшем сами „американцы“ отгеснят и отбросят губошлепство. „Американцев“ надо будет взять под всенародное наблюдение, сплотить их в стальную когорту и заставить по ним равняться остальных. Что такое „американцы“? Это люди, которые умеют работать таким темпом и с таким напором и нажимом, каких не знала старая Русь. „Американцы“ — это те, кто основательно подумают, прежде чем взяться за дело, но, взявшись за него, — без „авось“ и „небось“ — с несокрушимой верой в наши творческие силы, с трезвой их оценкой пойдут до конца... С 1923 года вновь организуемая партия русских „американцев“ объявит истребительную войну русскому губошлепству. „Американцы“ всей Руси, объединяйтесь!» (Л. Сосновский)².

Эта американская мечта раскалывается на две версии: связанную с ростом инициативы личности и связанную со способностью работать в организации машинного типа. Один из ведущих представителей правящей элиты Н. Бухарин пытался поддержать первую версию. Он считал необходимым создать условия, освобождающие крестьян от страха, что в результате повышения своего благосостояния они будут раскулачены. Он говорил: «Обогащайтесь, развивайте свое хозяйство и не беспокойтесь, что всё прихлопнут»³. Подули новые ветры. В этом же направлении выдвигали политические идеи о создании двухпартийной системы⁴.

Однако для разработки этой, по сути, выходящей за рамки инверсионной логики альтернативы требовался массовый субъект развитого утилитаризма, способный противостоять уравнительности и подчинять систему своих отношений задаче повышения эффективности. К этому было готово, видимо, лишь незначительное меньшинство. По стране только что прошла коса инверсии, были сокрушены не только капиталистические группы, но и все, о которых можно было только подумать, что

² Правда. 1923. 1 янв.

³ Большевик. 1925. № 9-10. С. 4-5.

⁴ *Оссовский Я.* Партия к XIV съезду// Там же. 1926. № 14. С. 60.

они представляют угрозу уравнительности. Не было достаточно мощной силы, способной встать на этот «бухаринский» путь и дать соответствующую культурную программу стране. Общество вновь осталось в рамках альтернативы инверсионного типа, в рамках уже накатанного модифицированного инверсионного цикла.

Общество повернулось к ценностям ограниченной инициативы, ограниченной торговли, ограниченных форм утилитаризма. Оно ответило на банкротство умеренного авторитаризма вялой обратной инверсией. Этот поворот был интерпретирован высшей властью как новая экономическая политика; псевдосинкретизм принял форму раннего идеала всеобщего согласия. Возник логический аналог раннего идеала всеобщего согласия первого глобального периода. В обоих глобальных периодах общество, испытав крах как соборного, так и авторитарного идеалов, пыталось обеспечить консенсус, нравственное единство, совершить выходящий за рамки инверсионной логики шаг, т. е. пыталось *найти некоторую меру между крайностями* в определенном отступлении от них, в достижении согласия на основе признания внутренних различий в обществе, впрочем, в ограниченных рамках. Однако и различия между глобальными периодами были существенны. В первом случае общество развило такую организационную форму, как земские соборы, воплощающие идеал общего согласия. Во втором случае этот идеал возникает уже в совершенно иной ситуации — в условиях зрелого раскола, в условиях общества, стоящего перед проблемой модернизации. Поэтому центр тяжести по сравнению с прошлым периодом перешел в сферу экономической инициативы при попытке использовать ее для обеспечения притока ресурсов, для повышения эффективности воспроизводства синкретической государственности.

В попытке сформулировать *третью версию псевдосинкретизма* правящая элита изменила мозаику ее ипостасей. На основании оценки ситуации, угрожающей разгромом государственности, катастрофой, подобной имевшей место в конце второго этапа прошлого глобального периода, правящая элита скомбинировала эту версию, пытаясь в меру своих возможностей дать адекватный ответ на сдвиг в массовых настроениях. Ее специфика заключалась в том, что на первый план не был выдвинут тот или иной полюс вечевоего идеала, но была сделана попытка на основе утилитаризма установить некоторую меру между ними, что открывало путь к согласованию различий. По крайней мере, так казалось. Это была альтернатива в рамках инверсии, в рамках уже сложившегося перебора вари-

антов, но тем не менее это была попытка использовать некоторый медиационный потенциал, избежать крайностей и односторонности инверсии.

«СМЫЧКА ГОРОДА И ДЕРЕВНИ»

Спецификой этого этапа по сравнению с прошлым глобальным периодом была большая значимость для судьбы общества хозяйственного подъема, попытка усилить рынок, усилить определенное давление, чтобы вывести его из нелегального состояния. Повышение значения экономики было, несомненно, связано с общим ростом потребностей в ресурсах усложняющегося общества как результатом возросших утилитарных потребностей. В этой политике власть могла опереться на крестьян, которые в определенных рамках, не подрывающих господство уравнительности и сложившихся общинных натуральных отношений, поддерживали рынок. На третьем этапе подавление рынка было ослаблено и перешло в приемлемый для общества уровень рыночных отношений. Кроме того, хозяйственный подъем деревни рассматривался как необходимая предпосылка преодоления явно выявившегося раскола между рабочим классом и крестьянством, между городом и деревней, который сам по себе мог сокрушить слабую государственность. Изменение идеологии получило лозунговое название смычки города и деревни, что было модификацией старого лозунга Ленина о союзе рабочего класса и крестьянства. «Сущность новой экономической политики есть союз пролетариата и крестьянства, сущность — в смычке авангарда пролетариата с широким крестьянским полем»⁵. Продразверстка была отменена и введен продналог, который был вдвое меньше. Это был поворот навстречу массовой формуле крестьян: «Сколько-то (хлеба) дам, а потом хозяйничаю». «Реализацией этого требования явился и продналог, и переход к нэпу в целом»⁶. Разрешена была «спекуляция», т. е. частная торговля тем, что осталось после выполнения продналога. Был снижен на 40% сельскохозяйственный налог, увеличены государственные кредиты, облегчена процедура найма рабочих; расширены права на аренду, снижены цены на сельскохозяйственные машины и т. д.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 322.

⁶ Данилов В. П. Советская аграрная политика в 20-х — 30-х гг.// Перестройка аграрного производства в СССР: Проблемы и перспективы. М., 1990. С. 30.

Как и всякий новый господствующий идеал, новая версия псевдосинкретизма не возникла, как разорвавшаяся бомба. Она всегда существовала на заднем плане ранее господствующего идеала. Например, секретарь одного из губкомов Н. И. Немцов в 1920 году под давлением недовольства крестьян вводил в некоторых уездах продналог вместо продразверстки⁷. В разгар военного коммунизма Ленин говорил о необходимости «учесть особенные условия жизни крестьянина, к тому, чтобы учиться у крестьян способам перехода к лучшему строю и не сметь командовать»⁸.

Были сделаны ограниченные шаги и в политической сфере. В августе 1924 г., очевидно, под впечатлением крестьянского восстания в Грузии, была принята политика нового курса, направленная на оживление работы советов, устранение незаконного вмешательства в их деятельность. В декабре были отменены результаты выборов там, где явка избирателей была ниже 35% или имели место жалобы на незаконные действия организаторов выборов, делались попытки оградить избирателей от их давления. Это привело к значительному увеличению интереса к выборам, к росту числа избирателей.

Открылись новые возможности для творческой инициативы. Любопытно, что очевидцы событий характеризуют время введения нэпа приблизительно одинаково: «Все вдруг откуда-то появилось». *Переход к нэпу означал отступление государственного крепостничества*. Крестьянство в период с 1923 по 1926 год вполне лояльно власти⁹. Всеобщая трудовая повинность была отменена. Ее заменил закон о добровольном привлечении к труду. В КЗОТе от 1922 года говорится о «наемных» отношениях. Власть тайной полиции была ослаблена. Медиатор существенно самоограничивался, ставил себе преграду. Теперь его решения не только должны были считаться с ценностями массового сознания, но и поддерживали определенные ценности вне медиатора. Правящая элита должна была учитывать в своих решениях системы ценностей не только умеренного, но и, в определенных рамках, развитого утилитаризма.

Смысл нэпа был достаточно прост. Правящая элита надеялась на экономический подъем в результате новой политики, на существенный рост социальной энергии, рост ресурсов и одновременно предполагала подчинить эти процессы экономи-

⁷ Горинев М. М., Цакунов С. В. Ленинская концепция нэпа: становление и развитие // Вопросы истории. 1990. № 4. С. 21.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 201.

⁹ Литвак К. Б. Политическая активность крестьянства в свете судебной статистики 1920-х годов // История СССР. 1991. № 2. С. 137.

ческим отношениям или по крайней мере держать их в рамках чисто экономическими методами. Новая власть должна вместо борьбы за «справедливое» распределение овладевать торговлей, рынком. Государство, установившее монополию на собственность, т. е. взявшее на себя ответственность за ее эксплуатацию, неизбежно столкнулось с тем, что односторонний упор на распределение результатов разрушает производство во всех его формах. Не будучи в силах вдохнуть творческий импульс в производство, оно рано или поздно вынуждено было предоставить производителю возможность проявить инициативу. Это давало надежду, что могучее государство сможет затем овладеть хозяйством экономическими методами. «Оживлять торговлю, мелкое предпринимательство, капитализм, осторожно и постепенно овладевая ими или получая возможность подвергнуть их государственному регулированию лишь в меру их оживления»¹⁰. Регулирование, следовательно, должно было возникать по мере развития производства. Тем самым выдвигалась *идея некоторого равновесия, согласия между государством и производителями*. В принципе это соглашение могло иметь место лишь на почве утилитаризма, так как речь шла не только о поддержании исторически сложившегося уровня производства, но и о его росте и развитии. Правящая элита была вынуждена усилить конкурентную борьбу прежде всего на экономической почве. Для Ленина нэп — это «взнузданный капитализм», который пролетарская власть должна держать под контролем и который можно в любой момент ликвидировать. Все преимущества, казалось, были на стороне государства, так как оно оставило всю крупную и значительную часть средней промышленности за собой. Здесь, несомненно, сыграла свою роль вера в преимущества крупного производства, которая шла от правящей элиты прошлого глобального периода и уже тогда сыграла свою негативную роль. Однако это не мешало власти обратиться за помощью к мелкому производству.

ЭТИ СТРАННЫЕ ЦЕНЫ...

Важное значение нэпа как этапа в истории страны заключается, между прочим, в том, что он служит своего рода символом утраченных возможностей, неиспользованных альтернатив, подчинения политическим заблуждениям хозяйственных процессов. Вообще говоря, эта мысль может быть обращена к любому этапу. В конце концов, каждый шаг человеческой истории — это поиск и утрата альтернатив, осу-

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 222.

ществование одного варианта и смерть бесконечного множества всех иных. Анализ любых исторических альтернатив массовым сознанием, к сожалению, слишком часто сводится к альтернативе возможных политических решений, а альтернатива последних сводится к дворцовым интригам в духе «Стакана воды» Скриба — пьесы, которую так любит наш зритель. Между тем судьба страны решалась значительно более важными факторами. И немаловажно, что борьба многих альтернатив была борьбой одной утопии против другой, и мы подчас весьма слабо представляем себе, что такое реальная возможность в невозможной ситуации.

Особенность третьего этапа, в отличие от предшествующих, заключалась в более или менее реальной попытке решения крайне болезненной для всей истории страны проблемы — проблемы суущественного подъема уровня товарно-денежных отношений. Именно на этом этапе, возможно, с большей непосредственностью, чем на других, выявились катастрофические последствия нарушения некоторых органических законов развития общества, которые обратили в дым как благие намерения власти добиться устойчивого экономического подъема страны, так и надежды крестьян на ослабление давления власти.

В обществе, вступившем на путь товарно-денежных отношений, действует закон соотношения хозяйственных отраслей. Всякая вновь возникшая отрасль хозяйства, например, промышленность, может утвердиться и функционировать на рынке, если издержки производства позволяют установить такие цены на ее продукцию, которые окажутся приемлемыми для производителей ранее сложившихся отраслей, например, сельского хозяйства, если эти производители сочтут для себя приемлемыми ценовые соотношения между своей продукцией и продукцией новой отрасли. Многие факты свидетельствуют, что еще до первой мировой войны эта закономерность неуклонно нарушалась. Рынок был крайне слаб. Как известно, хлебный рынок в России без насильственного вмешательства властей стал складываться лишь в период 1907-1914 годов, после чего это вмешательство непрерывно нарастало независимо от политических перемен в стране. До первой мировой войны жители деревень, которые составляли основную массу населения, обеспечивали вряд ли более 30% всей емкости рынка промышленности, товаров, т. е. их участие в реализации продуктов промышленности было сравнительно ничтожно¹¹. Следовательно, уже тогда констатировалось, что «и для

¹¹ Гриневецкий В. И. Послевоенные перспективы русской промышленности. М., 1919. С. 168.

этой жалкой (российской) промышленности нет достаточного сбыта»¹². Низкий уровень производства зерна по сравнению с другими странами создавал большие возможности для потенциального внутреннего рынка на продовольствие, чем на промышленные изделия. Это означало, что развитие отношений промышленности и сельского хозяйства не носило органического характера, а попытки непосредственной «смычки» в условиях значительно худших могли иметь успех не больше, чем проект брака между инопланетянами. Центром проблемы смычки, что бы о ней ни думали тогда, объективно была проблема приемлемого для сторон соотношения цен между продуктами этих двух отраслей. И вопрос этот не был новым.

Высшая власть в конце прошлого глобального периода столкнулась с несоответствием цен продуктов сельского хозяйства и промышленности. Еще С. Витте был вынужден встать на путь неэквивалентного обмена с деревней. Это объяснялось прежде всего тем, что «потребитель пришел в упадок. Рассчитанной на массовое производство и оставшейся без покупателя промышленности грозил крах». Любопытно, что автор видит единственный путь поддержать промышленность не в развитии «смычки», рынка и т. д., а в поддержке «новыми охранительными пошлинами и казенными заказами. Приходится, не сообразуясь с хозяйственным расчетом, строить ежегодно до 3 000 верст железных дорог. ...Дороговизна постройки не уступала быстроте, с которой была сооружена эта сеть. В результате железные дороги работают пока в убыток». Это ложилось «дополнительным бременем на сельскохозяйственный класс»¹³. Попытки подчинить сельское хозяйство принудительному обмену обострились во время первой мировой войны. Летом 1917 года крестьяне не приняли форму связи с промышленностью. Их не устраивало, например, что стоимость подковы была эквивалентна одному пуду хлеба. В подобной ситуации новая отрасль отторгается рынком, остается в экономической изоляции. Причина таких явлений очевидна. В условиях синкретической государственности новые виды производства могут развиваться и функционировать независимо от рынка, т. е. имеет место систематическое нарушение закона соотношения хозяйственных отраслей. Строительство оросительных, ритуальных сооружений в древних государствах не зависело от рыночного механизма. В России эта система приобрела значимый характер с момента внедрения крепостной мануфактуры. Развитие

¹² Русская промышленность и налоги// Промышленность и торговля. 1909. № 10. С. 590.

¹³ Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России: Дежневое обращение/ Сост. Никифоров Д. И. СПб., 1903. С. 8; см. также с. 7.

крепостнической промышленности продолжалось до самой реформы 1861 года. Например, сахарные заводы, появившиеся в XIX веке, базировались на крепостном труде. Это было естественно в условиях господства натуральных отношений. Синкретическое государство может стать на путь систематического и последовательного ограждения новой отрасли, например, промышленности, от установления цен посредством спроса и предложения.

Специфика хозяйственного развития в условиях господства синкретического государства заключается в том, что возникновение новых отраслей, например, промышленности, в тех или иных масштабах происходит независимо от рынка. Это может иметь место только потому, что государство осуществляет принудительную циркуляцию товаров, продуктов, рабочей силы, капиталов, осуществляет перекачку ресурсов посредством дотации, осуществляет принудительное увеличение удельного веса накоплений, а также допускает проедание основных фондов и т. д. Ценообразование в этом случае имеет лишь отдаленное отношение к закону- стоимости, к реальному спросу и предложению, но является прежде всего средством перекачки ресурсов. В этой ситуации слияние государства и промышленного развития носило не экономический характер, не определялось всеобщей хозяйственной ситуацией в обществе в целом. Еще в первом глобальном периоде «государственные заводы могли снижать цены, не только не считаясь с себестоимостью изделий, но даже не имея о ней точного представления... без точных калькуляций, на основании приближенных расчетов. ...Государственные предприятия в своем большинстве находятся на сметно-бюджетном финансировании, не имеют точной калькуляции продукции, освобождены от промыслового и других налогов и имеют возможность продавать свою продукцию ниже себестоимости или даже по любой предложенной им настоящим ведомством цене»¹⁴. Это было результатом того, что страна не преодолела «примитивный, докапиталистический характер русской коммерции». Помещикам не было необходимости «тщательно вести бухгалтерские книги, поскольку в трудную минуту они всегда могли выжать чуть больше из крепостных». Теперь выжимать можно было из государства, которое платило не считая. «По всей видимости, хлебосоольство богатого русского дома не имело себе равных в Европе. Оно было возможно там, где толком не заглядывали в конторские книги». «Невежество по части бухгалтерии служило главной

¹⁴ Гиндин И. Ф. Антикризисное финансирование предприятий тяжелой промышленности (конец XIX — начало XX в.)// Исторические записки. 1980. № 105. С. 145, 147.

причиной провала деловых предприятий и сильно сдерживало рост русских компаний. Многие деловые предприятия разваливались после смерти своего основателя, поскольку наследники не могли продолжить их из-за отсутствия бухгалтерских книг¹⁵. Стоимостные категории были столь мало интересны для государственных предприятий, что самые размеры возрастающей убыточности, например, железных дорог не могли быть определены¹⁶.

Монополии отчасти в разной степени выступали и на рынке. Но по своей сути они носили внерыночный характер, существовали в нарушение закона соотношения хозяйственных отраслей, развивались на доэкономической основе. Это выразилось также в системе «государствления убытков»¹⁷. Например, в регулировке цен. Так, в производстве сахара «производство, потребление, цены — все регулировалось и нормировалось заранее правительством»¹⁸.

Разруха, которая разразилась в период первой мировой и нарастала во время последующей гражданской войны, была важнейшим аспектом, движущей силой усиливающегося нарушения закона соотношения хозяйственных отраслей. Среди крайне негативных последствий можно указать: деградацию ограбленных из-за системы цен или прямой реквизиции; необратимое разрушение ранее сложившихся элементов рынка и экономики; формирование сложных форм хозяйства на основе натуральных отношений; возникновение особой псевдоэкономики; превращение цен в случайные с точки зрения их экономического содержания и др. Цены превратились в средство перекачки ресурсов между основными социальными силами общества (например, между государством и ведомствами).

В стране складывалась странная, извращенная ситуация, когда с ростом промышленности, городов усиливалась разбалансированность товарообмена между сельским хозяйством и промышленностью, между деревней и городом. Чем больше обществу требовалось продукции сельского хозяйства, чем больше оно нуждалось в производстве промышленной продукции, тем острее ощущалась эта неспособность производителей в сельском хозяйстве приобретать на свои доходы продукцию промышленности. Обратной стороной этого процесса была неспособность города приобретать в достаточных масштабах про-

¹⁵ *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. Кембридж (Масс), 1980. С. 275, 247, 271.

¹⁶ *Гурко В. И.* Наше государственное народное хозяйство. СПб., 1909. С. 130.

¹⁷ *Гедфтер М. Я.* Топливо-нефтяной голод в России и экономическая политика третьейюньской монархии// Исторические записки. 1969. № 83. С. 104.

¹⁸ *Левин И.* Свеклосахарная промышленность в России. М., 1910. С. 38.

дукцию сельского хозяйства, что не создавало, кстати говоря, заинтересованности сельского хозяйства в росте и развитии производства. Происходило это потому, что нарушение закона соотношения хозяйственных отраслей создавало ситуацию, когда невозможно было установить цену, которая устраивала бы одновременно покупателя и продавца. Это было результатом развития хозяйства в условиях атомизации общества, слабости всеобщей связи, случайности хозяйственных условий в разных сообществах, что не стимулировало снижение издержек, повышение эффективности. Для цен, складывавшихся в результате нарушения закона соотношения хозяйственных отраслей, характерна тенденция «кризиса сбыта в условиях товарного голода», что отчетливо можно было наблюдать в 1923 году¹⁹. Эта патологическая закономерность обычно элиминируется, маскируется государственными дотациями, различными формами государственной перекачки ресурсов, но тем самым открывается возможность бесчисленных манипуляций ценами, посредством которых скрывается эта разрушительная тенденция.

Так, цены на продукцию сельского хозяйства, если они устраивали производителей, были слишком высокими для массового потребителя, для промышленности. Наоборот, снижение цен на продукты сельского хозяйства до уровня массовой доступности приводило к тому, что они не устраивали производителя на селе, который в результате ничего не мог купить. Очевидно, что цены на промышленные товары обладали той же особенностью: если они удовлетворяли производителей, то для сельского хозяйства, для потребителей на селе они были недоступными, но если они снижались, то промышленность работала в убыток. Отсюда — ножницы цен, дефицит, стремление менять дефицит на дефицит, избежать реализации за деньги без дополнительного социального эффекта. Отсюда нежелание крестьян продавать хлеб. Это имело место, например, еще при царе Алексее Михайловиче, когда медные деньги потеряли свою ценность.

Общество смутно осознавало причину неспособности формировать рынок. Попытка возложить на крестьянство бремя индустриализации выразилась в том, что крестьянский хлеб оплачивался чисто символически, проблемы общества решались за счет углубления архаичной принудительной перекачки средств. Это изъятие средств не было тем фактором, который породил перепад цен между отраслями, но оно катастрофи-

¹⁹ Югов Л. Индустриализация и проблема капитала// Нэп: взгляд со стороны. М., 1991. С. 181.

чески ухудшало ситуацию, ставило преграду реальному выходу из тупика.

Хозяйство, которое находится на доэкономическом уровне, в котором еще очень сильны натуральные отношения, не может справиться с проблемами, превышающими определенный уровень сложности, что приводит к неизбежному снижению эффективности хозяйственных решений. В частности, невозможно обеспечить взаимную заинтересованность отраслей, где перепад в издержках превышает определенный уровень. Зарплата, личный доход могут быть слишком низки, чтобы покупать товары с чрезмерными издержками, т. е. если издержки столь велики по сравнению с доходами людей, что при отсутствии инфляции потребитель не в состоянии их оплатить. Инфляция не спасает положение, так как весь товар при фиксированных ценах и дефиците просто попадает к потребителю, случайному с точки зрения реальной экономической и даже биологической потребности. Гибель такой системы предвращается лишь принудительной циркуляцией ресурсов.

Теоретически из этой ситуации могло быть два выхода. Один из них — обеспечение такого развития промышленности, которое приводило бы к снижению издержек производства и соответствующему снижению цен, что сделало бы ее продукты доступными массовому потребителю в деревне. Однако на пути этого процесса лежало отсутствие достаточного стимула к прогрессу в промышленности, существующей не столько под давлением рынка, сколько под крылышком синкретической государственности. Качественное развитие невозможно при отсутствии массовой частной инициативы, массовой конкуренции, при склонности к монополизации. Другая возможность заключалась в развитии сельского хозяйства, в повышении его эффективности, способности снижать издержки, получать необходимые средства не столько за счет высоких цен, сколько за счет массовости реализации. Однако здесь дело обстояло еще хуже, чем в промышленности, так как основная масса жителей деревни придерживалась социальных форм жизни, конструктивной напряженности, не позволявших в достаточных масштабах встать на путь развития и прогресса. Положение серьезно ухудшалось тем, что в среде марксистской интеллигенции и правящей элиты существовало сильно преувеличенное представление о степени развития товарно-денежных отношений в деревне, и, следовательно, власть не обладала должной информацией о реальной способности крестьянства пойти на «смычку» посредством развития высокопродуктивного сельского хозяйства.

ТОРГОВЛЯ ПРОТИВ РЫНКА

Нэп открывал ограниченные возможности для той части крестьян, которые имели склонность к росту и развитию, и общество проявляло заинтересованность в росте производства, пыталось создать для этого определенные предпосылки. Однако для реализации этой возможности требовалось значительное время. Главное, однако, заключается в том, что угроза уравнительности постоянно вызывала у большинства рост дискомфорта. К концу 1925 года в деревне появились группы бедноты, которые противопоставляли себя сельсоветам и кооперативам. Их возникновение воспринималось как антикулацкая акция. Возможность роста уравнительной агрессивности создавала крайне неблагоприятные условия для производственных накоплений. Известный экономист Н. Кондратьев писал: «Не может быть капиталовложений в деревне в условиях, заставляющих крестьянина направлять свои средства в сторону усиления личного потребления, вместо того, чтобы приобрести лошадь или корову, из боязни прослыть „кулаком" в деревне»²⁰. Однако и это не главное. Система ценностей крестьянина лишь отчасти была затронута ценностями товарно-денежных отношений. Это обстоятельство заслуживает специального рассмотрения.

Методология социокультурных исследований существенно отлична от одностороннего экономического подхода, тяготеющего к экономическому материализму, фетишизму. Последний исходит из того, что сами факты купли-продажи, их развитие и увеличение есть однозначное свидетельство втягивания крестьянина в товарно-денежные отношения.

Однако, во-первых, рост товарно-денежных отношений может быть стимулом активизации архаичных ценностей, накопления дискомфорта, ведущего к взрыву. Это и имело место в России. Поэтому можно сказать, что в определенной ситуации масштабы втягивания крестьянина в денежные отношения — величина, обратная вероятности утверждения капитализма. Это обстоятельство не учитывалось большевиками при разработке ими своей доктрины как до, так и после их политической победы.

Во-вторых, не менее важно и то, что само втягивание крестьянина в эти отношения может означать форму укрепления системы архаики. П. Г. Рындзюнский пишет: «При изучении крестьян, не принадлежащих к эксплуататорским кругам деревни, возникает вопрос: насколько они могут считаться това-

²⁰ Знамя. 1988. № 10. С. 177.

ропроизводителями в теоретическом, политико-экономическом смысле слова? На этот вопрос нелегко ответить даже в том случае, если известно, что сельские производители регулярно поставляли на рынок выработанные ими продукты. Конечно, внешние признаки товарного хозяйства здесь налицо, но это не разъясняет существа дела». В. И. Ленин замечает: «Про крестьянина же и теперь приходится сказать словами Маркса: крестьянин становится купцом и промышленником без тех условий, при которых можно стать настоящим купцом и промышленником. Рынок *требует* от всякого хозяина, как безусловной необходимости, подчинения новым условиям и быстрого приспособления к ним. Но без *капитала* это быстрое приспособление невозможно. Мелкое хозяйство неизбежно осуждено... на наибольшую рутинность, отсталость, наименьшую приспособленность к рынку»²¹. *Если у продавца-капиталиста подключение к рынку стимулировало перестройку производства, то у крестьянина последствия такого контакта были противоположные: связь с рынком не вела к прогрессу, она закрепляла хозяйственный застой и даже вела к деградации.* В. И. Лениным указывается одна причина такой особенности крестьянских продаж: *отсутствие у продавцов капитала.* С тем же связано и другое обстоятельство, которое уясняется из следующего положения К. Маркса: «Все товары суть непотребительные стоимости для своих владельцев и потребительные стоимости для своих невладельцев»²². *Для массы крестьян капиталистической России, продававших свой хлеб, молоко и другие продукты, их «товары» в свете цитированных слов Маркса не были истинными товарами, так как для производителя-продавца они обладали потребительной стоимостью: спустя несколько месяцев после продажи многие из таких продавцов должны были покупать те же товары, но, как правило, по более дорогой цене. Участие крестьян в торговле в подобных случаях было фактором не экономического прогресса, а регресса»²³. Отсюда следует важный обобщающий вывод, что поскольку капитализм в стране приобретал крайне ограниченные и патологические формы, то общество стремилось вытеснить его привычными, исторически сложившимися отношениями. Причем это сопротивление могло опережать прогресс и распространение развитого утилитаризма. Это не исключало ограниченных элементов модернизации, заимствования определенных достижений либеральной*

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 258.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. С. 95.

²³ Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России. 1850—1880 гг. М., 1978. С. 173-174.

цивилизации (например, науки, техники), которые, однако, приобретали архаичные формы псевдо. В этой ситуации реальная, а не абстрактная альтернатива сужалась от альтернативы безграничного развития рынка капиталистического типа или сохранения административной системы до поиска меры рынка, приемлемой для основной части крестьянства. Возможно, она была бы недостаточна для гигантских планов нового общества, воодушевленных фантастическими утопиями и манихейскими страхами. Но воплощение этой меры было бы возможным и создало бы узкую, но реальную основу дальнейших сбалансированных решений.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДЪЕМ ИЛИ УСИЛЕНИЕ ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ?

При оценке попыток реализовать замысел нэпа не следует забывать, что так называемая «смычка» должна была «смыкать» сельское хозяйство, которое специалисты того времени называли «первобытным», и промышленность, которая в основном формировалась на основе дорыночных отношений. Следовательно, возможности для реальной экономической смычки были весьма ограниченными. Историческое развитие сформировало слишком мало людей, которые могли превратить рынок в возрастающий по мощности стимул прогресса, а те из них, кто появлялся, подвергались притеснениям и в конечном итоге насилию. Высокоразвитый рынок должен стать не побочной, а определяющей сферой деятельности для производителя. Но он оставался побочным для основной массы крестьянства и промышленников, которые работали на казну. Переворот 1917 года и все последующие события свидетельствовали, что большинство крестьян отвернулось от более развитых форм труда и социальной жизни, от тех, кто требовал ослабления зависимости от архаичной власти общины, кто был способен к гибкому реагированию на рынок. Общество могло рассчитывать не на развитый утилитаризм с его стремлением много работать и много зарабатывать, но всего лишь на умеренный утилитаризм, в котором преобладали ценности адаптации к уже сложившимся порядкам. Подобная почва представляла собой весьма ограниченную предпосылку для прогресса. Близкая ситуация имела место и в промышленности, где интеллектуальный слой был подавлен, и государство не могло допустить банкротства плохо работающих предприятий, при котором пришлось бы увольнять рабочих.

Выход промышленности на рынок был явно неудачен. Цены на ее продукцию превышали на 8% довоенные, что не покрывало

вало значительно возросшие в результате разрухи издержки, подорожание сырья, снижение производительности, недогруженность производства. Была явной угрозой последующего повышения цен, что и не замедлило произойти. В октябре 1923 года уровень цен на промышленные товары составил уже 179% от довоенного уровня, тогда как продукция промышленности в 1922/1923 хозяйственном году составила 36,6% от довоенной, сельское хозяйство удержалось на уровне 72,2%.

Казалось бы, доведение цен до уровня необходимости покрыть издержки производства естественно. Однако эти издержки, не апробированные рынком, конкуренцией, были результатом стремления неквалифицированных в основной своей части людей овладеть некоторыми образцами современного производства, не считаясь с расточительными затратами, беспхозяйственностью и дезорганизацией. Возможно, что государство могло принудительной перекачкой средств как-то затыкать эту дыру, но этого не мог сделать потребитель на рынке, и тем более было бы утопией видеть в этом «смычку». В результате к концу 1923 года крестьянин за хлеб получал в три раза меньше ситца, гвоздей и керосина, чем до войны. Это позволило промышленности работать с прибылью, но возник острый дефицит на товары. Тогда это называлось *товарным голодом*. Были сделаны попытки снизить цены. К 1923/1924 году они были снижены на 33%. Однако с середины 1925 года цены на промышленные товары вновь стали расти²⁴. Это могло привести только к тому, что крестьяне стали сдерживать продажу, т. е. к развалу элементов рынка. В 1926 году были увеличены денежные компенсации за хлеб, что усилило инфляционные тенденции и, как сказал нарком финансов Г. Сокольников, превратило червонец в «качающуюся» валюту. Если формирование нэпа закончилось осенью 1923 года, то стремление использовать административные механизмы для преодоления «неувязок» началось в конце того же года, что свидетельствовало о неорганичности, неустойчивости порядка. Тем не менее в период 1923-1926 годов возникла тенденция восстановления свободного рынка.

В 1927 году товарные запасы у государства в связи с очередными слухами о предстоящей войне были выбраны, сложилась ситуация, когда крестьянство предпочитало не торопиться с реализацией хлеба в ожидании более высоких цен. Государственные цены на хлеб были низкими, а их увеличение неизбежно нанесло бы удар червонцу, привело бы к усилению инфляционных процессов.

²⁴ Айхенвальд А. Советская экономика: Экономика и экономическая политика СССР. М.; Л., 1928. С. 71-77.

Сбор хлеба 1927 года был меньше предыдущего на 6%, и это способствовало значительному снижению его товарности. Вновь стала актуальной мысль Л. Троцкого, высказанная в 1920 году, о необходимости «спасти города». Урожай 1927 года начал насильственно изыматься. В 1928-1929 годах в городах были введены хлебные карточки. Впервые в истории страны (за исключением нормирования сахара до первой мировой войны) в общегосударственных масштабах вводилось регулирование потребления. Иначе говоря, это был катастрофический крах альтернативного замысла буквально по всем существенным параметрам; поворот к экономике не удался.

В известном смысле сложившаяся ситуация была результатом существенной смены образа жизни крестьянства после революции. Во-первых, в связи со значительной убылью сельского населения во время гражданской войны земельные наделы несколько возросли. Во-вторых, ослабление экономической необходимости продавать часть урожая означало если не абсолютное, то существенное относительное улучшение крестьянского потребления. В-третьих, немаловажное обстоятельство заключалось в том, что существенно сократились отхожие промыслы, которые были совершенно необходимым элементом хозяйственного воспроизводства значительной части крестьянских хозяйств. *Все это усилило натурализацию крестьянских хозяйств, ценность ресурсов, получаемых в собственном хозяйстве, и одновременно ослабило связь с обществом по целому ряду параметров.* Теперь государство, забыв о том, что оно, собственно, и было государством, воплотившим эти устремления крестьян, пыталось усилить поток ресурсов из деревни и тем самым устранить изменения в крестьянском образе жизни, которые крестьяне воспринимали как позитивные.

Пленум ЦК в июле 1928 года отметил «опасность разрыва между социалистическим городом и мелкокрестьянской деревней, стало быть, опасность нарушения основного условия социалистического преобразования всего народного хозяйства». *Посевные площади достигли 95% довоенных, а товарность едва превышала 50%.* Пленум вынужден был констатировать «полунатуральный характер» сельскохозяйственного производства. Положение с хлебом «создавало угрозу кризиса для всего народного хозяйства»²⁵.

Объединенный Пленум ЦК и ЦКК в 1928 году отметил, что, несмотря на рост промышленности и получение трех хороших урожаев, «хлебозаготовительная кампания... натолкну-

²⁵ См.: ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1932). М., 1933. Ч. 2: 1924-1933. С. 474, 476.

лась на ряд затруднений, одно время грозивших вылиться в общий народнохозяйственный кризис...» Пленум констатировал «резкое нарушение рыночного равновесия», «обострение диспропорции в рыночных отношениях» в результате повышения «платежеспособного деревенского спроса», опережавшего товарное предложение²⁶. Произошло невиданное ранее в России явление — крестьяне предпочитали платить налог деньгами, а не натурой. На этот переворот следует обратить самое пристальное внимание. Это означало резкое обострение несоответствия между денежной системой и циркуляцией натуральных ресурсов и свидетельствовало о росте значения крестьянского хозяйства как субъекта естественной монополии на дефицит.

Объединенный Пленум сетовал, что баланс вовремя не был установлен «ни соответствующим ростом товарного предложения... ни соответствующим повышением налогового обложения зажиточных слоев деревни, ни обложением дохода неземледельческого характера»²⁷. Здесь сквозит характерное в таких случаях стремление возложить ответственность на богачей, т. е. искать выход на путях уравнительности. На XII съезде партии в 1923 году отмечалось, что благодаря нэпу «удельный вес кулачества все более и более растет»²⁸. Опасность расслоения, как показывают исследования, явно преувеличивалась. Но реальная опасность была в другом — в массовом страхе за судьбу уравнительности, который принимал мифологическую форму массовой ненависти к нэпману, «кулаку». Для того чтобы попасть в эту группу, достаточно было проявить некоторую хозяйственную инициативу свыше признанной нормы или попросту покрыть крышу железом. Любой кризис, затруднения объяснялись кознями этих людей. Это не создавало благоприятной атмосферы для экономического развития. Вместе с тем, даже тот уровень частной инициативы, который допускался, нес в себе симптомы разрушения монолита медиатора, отхода от монополии власти на циркуляцию ресурсов.

В стране совсем недавно архаичная община, куда входила большая часть населения, пережила возрождение. При анализе нэпа об этом обычно забывают, не учитывают, что новая политика неизбежно носила поверхностный характер. Промышленность, несмотря на введение хозрасчета, продолжала, как это и соответствовало историческим традициям, опираться на сильную поддержку государства. Действие рынка внутри про-

²⁶ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1932). С. 456.

²⁷ Там же. С. 457.

²⁸ Там же. М., 1932. Ч. 1: 1898-1924. С. 620.

мышленности, прежде всего между тяжелой и легкой, было сильно ограничено. Нэп повысил материальное положение рабочих, но не заинтересовал их в улучшении конечных результатов работы треста. С 1928 года рабочие стали снабжаться по заборным книжкам, что обрубало их связь с рыночной системой через производство. Рабочие стремились гарантировать себя от стихии рынка, поддерживая авторитарную систему распределения, определенные варианты *уравнительной оплаты*. Это было в той или иной степени реализовано *тарифной реформой 1928 года*.

Заинтересованность крестьянства в нэпе также была не безусловна. Конечно, часть крестьян стремилась продавать излишки. Однако 35% крестьян были освобождены от уплаты сельхозналога, что не только привязывало их к авторитарному порядку с его принудительной перекачкой ресурсов, но и лишало их старого традиционного для страны стимула к повышению товарности. Кроме того, ощущалась заинтересованность крестьян в различных формах кооперации, по тем же причинам, что и у рабочих, которые пользовались системой принудительной перекачки потребительских ресурсов.

Даже небольшое развитие рынка ставило под угрозу синкретическую государственность, всю систему медиатора синкретического типа. Развивались определенные опасные тенденции среди членов партии. Некоторые стремились «в интересах возрождения производительных сил советской республики» бросить партийную работу и уйти на свой клочок земли. Машинная версия утилитаризма оказалась под угрозой. Общество не смогло создать систему, где машинная и индивидуалистическая версии утилитаризма могли бы сосуществовать и стимулировать друг друга. Оказалось, что ставка на рост независимых источников творческой энергии не сопровождалась соответствующей способностью медиатора использовать эту энергию, снимать опасность разрушения медиатора. Слабое движение от индивидуалистического умеренного утилитаризма к развитому породило в неблагоприятных условиях (давление власти, недостаток промышленных товаров, враждебность определенных сил торговле) тенденцию очагов творчества к автаркии, к уходу с рынка. «Американский» элемент в России, с одной стороны, оказался потенциально опасным для медиатора, ориентированного прежде всего на сохранение своей организации, и, с другой стороны, слишком слабым, чтобы перестроить общество и медиатор на основе своих принципов, чтобы увлечь общество для перестройки медиатора, для развития рыночных отношений. Для утверждения нэпа нужен был мощный слой культурных организаторов, ясно понимаю-

щих необходимость существования источников творчества. Эти организаторы должны были пользоваться поддержкой хотя бы значительного меньшинства населения.

Истолкование нэпа как шага к капитализму вызвало возражения не только официальных идеологов, но и вдумчивых специалистов. «Только 1/6 часть всей продукции сельского хозяйства поступает на недеревенский рынок... Основной массив русского сельского хозяйства является только натурально-хозяйственной пристройкой к народному хозяйству, оставаясь в довольно слабой связи с ним». С глубокой проницательностью автор писал, что «в России имел место стремительный рост товарно-денежных отношений, сопровождающийся, однако, развитием некапиталистических организаций». Розничную торговлю «в тех жалких формах, в которых она после коммунистической реакции 1924 г. еще сохранилась (почти исключительно торговля вразнос и с лотков)... ни в коем случае нельзя считать явлением капиталистического порядка. Так торговали при царе Горохе. Кроме того, часть теперешних розничных торговцев вынуждена была превратиться в агентов госторгов и находится от них в полной зависимости. Ничтожна роль капитализма в промышленности. Уже в 1925-1926 гг. на частную промышленность, включая концессионную, приходилось всего лишь 4,2% всего производства цензовой промышленности. ...В городе нам приходилось констатировать не победу капитализма, а, наоборот, гибель всех его ростков»²⁹. Однако даже в этих условиях руководители арендованных предприятий сумели обеспечить лучшее положение своих рабочих, чем было положение рабочих на государственных³⁰.

Нэп был раздавлен, так как срединная культура оказалась слаба, а вера в реальность как в воплощение манихейских космических сил сильна. Синкретическое государство не могло сосуществовать с независимыми творческими силами. Удивления достойно не то, что нэп был уничтожен, а то, что общество после синкретического взрыва нашло в себе силы сделать серьезную попытку согласиться на господство идеала, нацеленного на срединную культуру. Сказалась определенная гибкость утилитаризма.

Несмотря на то, что нэп открыл путь экономическому росту, его участь была решена широкими массами, стремившимися разделаться со вновь появившимися оборотнями кривды. Власть, которая стала бы в глазах масс орудием кривды,

²⁹ Бруцкус Б. Народное хозяйство советской России, его природа и его судьба// Вопросы экономики. 1991. № 9. С. 131, 135, 134.

³⁰ Секушин В. И. Отторжение нэпа и командно-административная система. Л., 1990. С. 19-20.

рисковала своим существованием. Правящая элита оказалась не в состоянии держать в желаемых рамках частную инициативу чисто экономическими методами. По сути дела, *нэп открыл тайну: в стране есть хозяйство, но нет экономики, во всяком случае как определяющей хозяйственной формы. На экономической основе смычка города и деревни оказалась невозможной. Выявилась парадоксальная ситуация: люди в городе и в деревне нуждались в продукции, выпускаемой друг другом. Отсюда естественность смычки. Но одновременно оказалось, что для ее обеспечения нет всеобщего механизма экономического воспроизводства, так как в сельском хозяйстве и в промышленности преобладало натуральное воспроизводство.* Следовательно, практически смычка и могла носить характер натурального обмена, что требовало тотального принудительного механизма. Но это было невозможно экономически. Однако торжество архаичных ценностей несло запрет на подобные знания. Старая власть, постоянно нуждаясь в деньгах, стремилась заставить своих подданных добывать деньги на рынке для уплаты налогов, но одновременно препятствовала этим процессам, пытаясь развивать промышленность на дорыночной основе. Исторически развитие отраслей происходило через адаптацию к до- и антирыночной системе принудительной циркуляции ресурсов. Такая ограниченная, по сути примитивная попытка прорваться к некоторой усеченной форме экономики, как нэп, отягощенная утопическими целями, мечтами о молниеносном построении идеального общества, не опиралась на осознание исключительной сложности и драматизма сложившейся ситуации, но следовала лишь мифам и здравому смыслу. Это обрекло ее на провал.

БАНКРОТСТВО НЭПА

При оценке нэпа не следует забывать, что возникающие в нем несообразности, диспропорции, рост дезорганизации происходили на фоне роста производства как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. Однако рынок не мог стать механизмом, интегрирующим эти процессы в целое, обеспечить гармоничную смычку всех элементов функционирования общества.

Несколько упрощая картину, можно сказать, что экономический аспект нэпа можно свести к установлению «правильных» цен, которые позволили бы обеспечить взаимную реализацию продукции отраслей. Однако опыт нэпа как раз и показал, что перепробованные варианты соотношения цен не давали устойчивой системы. В принципе можно предположить,

что такие цены вообще установить невозможно в условиях низкопроизводительного консервативного сельского хозяйства и промышленности, которая возникла и развивалась в результате властной перекачки средств, и когда хозяйственники мало интересовались издержками и могли годами работать в убыток (как, например, в промышленности с 1916/1917 до 1923)³¹. Цены здесь — лишь инструмент распределения ресурсов. Это не исключает возможность изменений, перехода к иному порядку. Но для этого нужны соответствующие социальные и интеллектуальные силы, те самые, на пафосе уничтожения которых и возникло это общество.

Иллюзия, лежавшая в основе нэпа, заключалась в том, что исторически ограниченный уровень товарно-денежных отношений, санкционированный обществом, его культурой и значительно пониженный массовой борьбой за уравнительность, массовой активизацией общины, казался способным нести на себе бремя решения гигантских задач, которые поставило себе утопическое общество.

После 1925 года началась, в соответствии со старой традицией, перекачка средств из деревни в индустриализацию, что еще больше обострило ситуацию, означало укрепление порядка, противостоящего рынку. Объятое страхом перед мировым злом население поддерживало это очередное безумие. В этой ситуации общество на всякий кризис отвечало ростом принудительной перекачки ресурсов, тогда как силы, которые могли бы этому противостоять, вытеснялись и истреблялись еще с прошлого века. Террор стал орудием смычки. Идеал всеобщего согласия разрушался, мирная повседневная деятельность одних возбуждала дезинтеграцию и враждебность других, раскол разрушал общество. Отсутствие спонтанного согласия означало, что всякие силы, социальные процессы, которые оказались бы независимыми от медиатора, могли стать очагами его разрушения. Общество продолжало жить крайностями, задыхаясь без достаточно развитой срединной культуры, без соответствующих организационных форм. Центр конфликта лежал не в политике и даже не в экономике, а в сфере основополагающих социальных ценностей, в сфере отношений к разным типам социальных интеграторов. Это проявлялось и в политике, и в экономике, где, однако, нельзя искать конечную причину трагических событий.

Нэп был ликвидирован. Очередного чуда не произошло.

Отношения к нэпу основной массы населения и правящей элиты не были тождественны. Правящая элита давала свою

³¹ Айхенвальд А. Советская экономика... С. 104.

интерпретацию массовой инверсии, она была вызвана не столько позитивными идеалами, сколько дискомфортным состоянием, рожденным удушающим авторитаризмом. Однако правящая элита строила на этом движении определенную позитивную программу, которая при всей своей ограниченности выходила за рамки ценностей массовой инверсии, т. е. шла к модернизации, к стимулированию соответствующих организационных форм. Мероприятия власти постепенно сами стали вызывать дискомфортное состояние. Развитие нэпа, официальное согласие на рост имущественного неравенства неизбежно наполняли дискомфортной информацией массовое уравнительное сознание, еще недавно разгромившее царство зла, где господствовали богачи. Всякие попытки избияния кулаков немедленно находили массовую поддержку. Противоположные действия власти в лучшем случае встречали пассивно-враждебное отношение.

Отказ власти от ряда административных функций, разрешение свободной торговли, политика снятия определенных запретов, ограничений, например, на денежные суммы, которые могут находиться в руках или в распоряжении организаций,— все это многими воспринималось как контрреволюционный переворот. Любопытно, что герой известной книги Н. Островского «Как закалялась сталь» Павел Корчагин в изъятой части рукописи категорически выступил против нэпа как измены делу революции. Страна оказалась неспособной вырваться из-под власти дотоварных представлений и методов труда.

Когда был введен нэп, произошло до тысячи самоубийств. Местные советы, продолжая крепостнические традиции, занимались в основном сбором налогов и выполнением различного рода указаний вышестоящих органов. *Нэп не пошел вглубь. Он не охватил отношений внутри деревни, не затронул ремесленничества и т. д.* Так называемый новый курс на местах рассматривался активистами часто как *сдача партией своих позиций*. Определенная активизация в низах, которая подчас приводила к оттеснению партии из выборных органов, вызвала тревогу в низовом аппарате. Положение особенно осложнялось товарным голодом. Стало ощущаться падение налоговой дисциплины. Общая атмосфера в стране приводила к тому, что не складывалось самое главное условие для экономического роста и развития в деревне — возможность накопления капитала.

Следовательно, с точки зрения закона соотношения хозяйственных отраслей, *нэп был попыткой с негодными средствами. Он не опирался на достаточно мощные силы, способные демонтировать синкретическое государство, на систему, способную использовать массовую приверженность к авторита-*

ризму для безумной попытки соединить доэкономическое хозяйственное развитие с индустриальным обществом.

Нэп как программа правящей элиты возник как мучительная попытка решить медиационную задачу, преодолеть возникшие социокультурные противоречия между уравнительными отношениями, скрепляемыми и защищаемыми авторитарной государственностью, и массовым недовольством экономической разрухой, подавлением исторически сложившейся воспроизводственной деятельности. Однако это решение оказалось временным и непрочным и вновь вызвало рост массовых дискомфортных состояний, социокультурных противоречий — в данном случае между массовым уравнительным сознанием и социальным порядком. Это привело к новой инверсии массового сознания, к необходимости формировать *новую, четвертую версию псевдосинкретизма* на основе деятельного нарастания массового процесса партиципации к харизматическому вождю.